

ПРОЛОГ

Ключ без двери

*Omnia fert aetas.**

Приветственная надпись над главным входом
в центр НИИ ГИИС «Грифоний дом»

Гавань. Институт гипотетической истории.
Отдел оперативного реагирования.
Ярослав и Павел Давыдовы

Недаром местные по-особому прозвали дворы — здесь невольно представляешь себя на дне старого большого колодца. Из такого, говорят, даже днем можно разглядеть звезды: настолько он глубокий.

В нелепые выдумки Ярослав не верил, но, шаркнув ногой, остановился, запрокинул голову. Небо над городом темнело фиолетовым покрывалом и звезд не показывало. Только струились в вышине сизые волокнистые тучи.

Ярик пожегся. Стоял март, славящийся погодными причудами. Который день ветер приносил с залива промозглую хмарь, и ничто не мешало ей селиться среди людей. Тем более здесь было где порезвиться...

Двор оказался просторным: с собственной парковкой и даже пародией на садик. Полдюжины подъездных козырьков выпирали вдоль стены. Сквозные арки обозначали выходы. Одна вела к Гавани, другая — к следующему двору-колодцу, вглубь острова.

В тени палисадника стусилась тьма. Сперва Ярослав подозрительно вглядывался в нее, потом плюнул. Неделю назад, с легкой подачи брата, коллеги в Институте окрестили его параноиком.

* Время уносит все (*лат.*) (Вергилий).

«Потусторонние в городе занимаются мелкими безопасными делами: держат бары или магазинчики с этническими сувенирами для туристов, чаруют, но в пределах допустимого. Со всего Института работа только у научного отдела. Припомни последний вызов. Ты расслабься, Яр. Так ведь и нервное расстройство получить недолго».

У лаборантки Лиды Роговой, конечно, были на все свои суждения. А на то, что касается домыслов и суеверий, девушка вообще смотрела сквозь пальцы. Или не смотрела вовсе... Пожалуй, такой беспечно-сти стоило бы поучиться.

Ярик крепко зажмурился и распахнул глаза, аж зарябили в воздухе зеленые мушки. Лида ошибалась — вызовы случались. По мелочи. Казалось, радуйся, что ничего серьезного, но с каждым днем тревога нарастала.

Теперь волнение и нехорошая, будто бы косматая, тьма в углу двора, которая ничем *потусторонним* себя не выдавала, заставляли Ярослава нервно нарезать круги под спящими окнами «старого фонда».

Не вовремя вспомнились ориентировки. Броские поисковые листовки с детскими фотографиями смотрели на прохожих с каждого столба. Четверо. Два мальчика и две девочки, исчезнувшие друг за другом больше недели назад. Волонтеры искали — не нашли. Местные организовывались в отряды и прочесывали районы, заглядывали под каждый куст, опрашивали сотрудников магазинов и кафе, таксистов — всех. Полиция проверяла версию об убийстве.

Институт доложил в Городское управление о всех зафиксированных энергетических выбросах за последний месяц. Тишина. Пусто.

Когда заканчиваются рациональные версии, люди ищут причины случившегося в мистике. Но здесь чисто оказалось по всем фронтам. И никого, кроме Ярослава Давыдова, это не настораживало. Даже Пашку...

Ярослав поглядел на меловой рисунок, украшавший пяточок асфальта между подъездной дверью и палисадником. Кто-то невесть за чем изобразил под ногами схематичный рисунок ключа.

В сумерках свежие линии приковывали взгляд слепящей костяной белизной. А сразу под ними, почти возле самых ног Ярика, блестящая зеркальная лужа. Единственная на весь двор.

Спустя, наверное, целую вечность ожидания над головой зашелестело. Послышалось хлопанье крыльев. Сперва едва различимое, но теперь становилось ясно, что оно приближается, делается отчетливей и громче. На крыше загромыхало, просели металлические листы кровли. Звонко отозвалась задетая антенна.

Большая тень не то зверя, не то огромной птицы мелькнула на краю карниза, нырнула во двор и остановилась, по-лошадиному всхрапывая. От спины существа отделилась человеческая фигурка, ловко спрыгнула на асфальт и заспешила к Ярославу.

Конечно, это был Пашка — непутевый, но почему-то любимый всеми брат Ярика, беззаботная душа компании. Все у них было противоположно: начиная от цвета волос, заканчивая характером и отношением к работе. Странно, что в Институте им оставались довольны. Несмотря на явное легкомыслие.

Пашка будто прочел мысли.

— Вот так и рождаются городские легенды. — Он весело усмехнулся, обернулся на странный гибрид льва с орлом.

Рыжий грифон переступил, расправил жесткие крылья и горланно заклокотал, посылая клич в небо. Ярослав задрал рукав и демонстративно посмотрел на часы. Время уже так неприлично перевалило за полночь, что скрывать недовольство становилось все труднее.

— Вечно ты опаздываешь...

— Пробки, — пожал брат плечами. Шутка Ярослава не впечатлила, но беспокоиться из-за этого Пашка не стал. Примирительно добавил: — Не злись. Щас по-быстрому разберемся, что там у Гавани, — и домой.

— А слухи множить обязательно? — Ярик недовольно хмыкнул.

— А вот это уже вынужденная мера. Мне не оставили выбора!

Пашка осекся, потому что Ярослав внезапно напрягся, взмахнул рукой, призывая замолчать:

— Ты слышал?

Он смотрел за спину брата — туда, где расплескалась под стенами здания подозрительная темнота. Заметив перемены в лице Ярика, Пашка обернулся:

— Нет.

— Только что... Не нравится мне это.

Пронзительную дворовую тишину нарушил всхлип, точно совсем рядом плакал забытый ребенок.

Пашка дернулся. Ярослав схватил его за рукав:

— Не ходи!

— А вдруг это один из тех пропавших?!

— Откуда взяться здесь ребенку? Ночью?!

Но Пашка уже оттолкнул его руку и широкими шагами двинулся к арке.

— Стой!

Сдерживать упряма бесполезно — Ярик знал это по собственному опыту и подорвался следом. Тусклый свет из подворотни едва вырисовывал в темноте детский силуэт. Издалека его можно было принять за хитрое сплетение теней. Ярослав и принял. Только странно, почему ни шороха раньше, ни вдоха? Он ведь бродил под окнами битый час... и не услышал ни звука.

Пашка тихонько приблизился, отводя в сторону широкую ветвь колючего декоративного кустарника, который после неудачного озеленения стал навязчивой деталью городского ландшафта. Попробуй в темноте срезать путь дворами, когда гонишься за нарушителем. Одно успокаивало: Потусторонних колючки обдирали точно так же, как сотрудиников Института, в этом плане у них преимуществ не водилось.

Ярослав заглянул под куст. На земле, крепко обхватив колени, сидела девочка лет семи. Пашка подсветил телефоном, шепнул через плечо Ярику: «Звони в скорую».

— Маленькая, ты откуда здесь?

Слащавость, важная в разговоре с детьми, Пашке давалась легче, и Ярослав спокойно выдохнул. Все-таки в чем-то способности брата были неоценимы.

Он отвернулся, вытаскивая из кармана телефон, чтобы вызвать службы, но краем глаза поймал какую-то странность. Внутри щелкнуло, напряглось в предчувствии неизвестной опасности. Инстинкты не врут. А инстинкт самосохранения — механизм поточнее знаменитых швейцарских часов.

Девочка оторвала лицо от запачканных белых колготок и внимательно посмотрела на молодых людей. Глаза у нее — сухие, серьезные,

острые — походили на лакированные пуговицы. Слепые, неподвижные. Кукольные глаза.

Тонкий дождевичок топорщился над плечами, но...

Ярослав отпрянул. То, что издали походило на ткань, шевельнулось, вытянулось темным рукавом, выкинуло себя вперед, как выбрасывает тело змея. Пашка дернулся. Реакция у него оказалась приличной, но все же недостаточной. Он не вскрикнул, только внезапно обмяк, осел на землю — не то без сознания, не то...

Мелькнуло в голове из давно забытых учебников: «Исконная Тьма поражает мгновенно».

Только вот Исконная Тьма больше века назад стала легендой из старых писаний. Ее проходили на спецкурсе по гипотетической истории — два вводных параграфа в начале учебника, которые в памяти не откладывались. Да этого и не требовали: никто из рожденных за последние сто лет не сталкивался с Тьмой вживую.

— Паш...

Ярослав растерянно попятился. Щупальце повело концом в воздухе, словно принохиваясь, и слепо потянулось навстречу. За ним из-под фундамента дома выползала сама тварь: длинная бесформенная клякса, сгусток энергии, наделенный волей и зачатками разума. Желание у нее было одно — убить. В местах, где Тьма касалась асфальта, расплзалась сеть уродливых трещин.

Грифон встал на дыбы, яростно замолотил крыльями в воздухе. Он не мог уйти без наездника, без товарища. А Ярик? Мог он? Пронзительный вопль грифона вывел Ярослава из ступора.

В два прыжка он очутился рядом с грифоном, вцепился в жесткие перья. Беснующееся существо рванулось. Ярик взлетел на загривок, обхватил грифона за шею, сдавил коленями бока. Мощные лапы оттолкнулись от земли. Черные щупальца Тьмы взметнулись вверх, желая накрыть их куполом, прижать к земле, опутать и захватить. Гигантские крылья подняли вверх столб пыли, заставляя Ярослава на миг зажмуриться.

Нечто страшное, первородное, жуткое рвалось снизу в мир живых, питалось его энергией. Двор превратился в сплошное нефтяное пятно. Сквозь черноту не разглядеть было ни фигуры девочки, ни Пашки. Если он еще жив...

Щиколотку резануло болью, но Ярослав не обернулся. Они с грифоном поднимались над двором отрывистыми толчками, а внизу плескалась пронзительная чернота.

Пашка...

Ярослав тяжело сглотнул, содрогнулся всем телом, уткнулся лицом в косматую шею существа.

Стоило придержать язык, а не проситься на ночное дежурство. А ведь он предчувствовал! Но теперь Ярик не ощущал ни капли удовлетворения от того, что все произошло именно так, как он предсказывал. Стало страшно. По-настоящему страшно.

ГЛАВА 1

«Помогите найти детей!»

Все в мире, будь то растение или животное, камень или человек, основано на трех алхимических началах: всякая материя имеет Душу, Дух и Тело.

Рукописные заметки В. В. Пеля за 1862 г.,
архив Института гипотетической истории,
Хранитель — гл. архивариус Н. П. Самойлов

Часть 1. Василий

Ночью мне снилось метро. Я спускался в пахнущий креозотом древний павильон, проходил барьер турникетов, долго тащился вглубь земли на шатком эскалаторе. И уже внизу ловил себя на внезапном ощущении опасности, только не мог понять, в чем дело. Вокруг суетилась толпа. Час пик. Я не мог разглядеть название станции: надписи плыли, стоило сфокусировать на чем-либо взгляд, хотя вот она — череда геометрически правильных, выверенных букв на соседней стене.

Почему-то я догадался, что собравшиеся здесь люди не просто стоят, а сосредоточенно ждут чего-то. Чего-то поважнее поезда. До меня долетали приглушенные шепотки. Речь казалась шелестящей, как отголоски в пыльном динамике. В мою сторону не смотрели, и я не решился подойти и с кем-то заговорить. Узнать, что происходит.

Неожиданно окружающие замолчали и все как один повернули головы по направлению к тоннелю. Светя фонарями, из черной заветсы перегона приближался к платформе дребезжащий состав. Напротив меня распахнулись двери: пустой вагон приглашал войти.

Повинуясь неосознанному стремлению, я шагнул вперед, затем устроился в дальнем углу. Люди чинно и как-то *механически* рассаживались следом, пока пространство между колоннами не опустело. Двери клацнули, смыкаясь, я не различил, объявили ли следующую станцию, и если да, то какую? Мягко набирая обороты, поезд помчался вглубь тоннеля. Внезапно голоса в вагоне, скрежещущая темнота и эхо подземки слились воедино, у меня заложило уши. Стараясь прогнать навязчивое, я затряс головой и зажмурился, а когда открыл глаза, вокруг была кромешная пустота. Без света. Без ощущений. Вакуум.

...Я снова стоял на той же станции, в окружении прежних механически-болтливых незнакомцев. В какой момент нас выкинуло обратно? И как? Я завертелся по сторонам, силясь понять хоть что-то, но наткнулся лишь на равнодушные взгляды. Казалось, никто, кроме меня, не замечает странностей. Я был словно в театре. Театре для одного зрителя. А вокруг творился жутковатый иммерсивный спектакль. Пассажиры буднично переговаривались, медленно моргая и не меняя спокойно-сосредоточенных выражений лиц. Голоса сливались в бессловесный гул, похожий на гудение пчелиного роя. Потом я разобрал: зудели рельсы — вибрировали низко, едва различимо. Звук ввинчивался в сознание, будоражил.

В черной глубине перегона снова показались два ярких луча света, поезд затормозил, двери приветливо разъехались, приглашая войти, и мягко сомкнулись за спиной, когда все расселись, дисциплинированно, как школьники в преддверии поездки с классом.

Сидевший напротив меня человек в длиннополом пальто поднял голову. На меня слепо уставилось гладкое, покрытое толстым слоем блестящей глазировки кукольное лицо с ровными провалами глаз и шарнирной нижней челюстью. Она дрогнула, отвисла, обнажая черную прорезь рта. Я невольно попятился, вжимаясь спиной в стенку вагона.

«Осторожно... Следующая станция “Проспект Просвещения”...» — услышал я у себя в голове. Мужчина же снова захлопнул рот и отвернулся в сторону.

Движения. Гул. Скрип рельс. Пустота.

Обволакивающая тяжесть. Страх. Точно лопнул барьер пространства и времени, и поезд несется теперь в другой реальности, в ином измерении, и будет мчаться в ледяном пугающем ничто до скончания века...

Сверху послышался грохот, а следом за ним непонятное лязганье и скрип. Я подскочил в кровати, с радостью осознав, что сплю у себя дома, а дурной сон остался просто сном, растворился туманной дымкой.

Я сидел под одеялом в предрассветной мгле и напряженно вслушивался. Звуки снаружи напоминали скрежет гвоздя по металлу и одновременно гулкие удары, словно в пустое ведро бросали яблоки. Я встал и на цыпочках подкрался к окну.

Во дворе клубилась терпкая синеватая тьма. Тонкая полоска света еще еле проклюнулась, горизонт был лишь нежно подернут желто-розовым. Зубчатой кромкой явно вырисовывались на нем перепады городских крыш и трубы дымоходов. Из щели между стеклом и рамой тянуло неприятным сквозняком. Я зябко поежился, но решительно повернул ручку и рванул хлипкую створку на себя. В комнату ворвался ветерок, смахнул с пачки листов верхние страницы театральной пьесы. Перевесившись через стол и подоконник — потому что мое рабочее место располагалось вплотную к окну, — я выглянул во двор.

Тишина. Пусто. Даже ни единого горящего окна в доме напротив. «Приснилось», — решил я.

Просыпаться оказалось жаль, хоть я и рад был избавиться от заикленного кошмара. Теперь пусть хоть ведьмы пляшут на крыше, но мне осталось спать до будильника всего четыре часа...

Утро принесло свет и ясность мысли. Удивительно, насколько легко в темноте верится во всякое... потустороннее. Скрип на крыше или легкий ветерок сквозь неплотно закрытые двери — и фантазия тут же угодливо рисует неведомых чудовищ.

Я нехотя выбрался из-под одеяла и выглянул в окно на серый пустынный двор: близкие окна соседнего дома (блестящие темные стекла похожи на лакричные леденцы), несколько берез, достающих макушками до второго этажа, припаркованные между подъездов автомобили. Старый район. Престарелая сонная тишина.

Я распахнул окно, выпуская в комнату свежий воздух. Ворвавшийся сквозняк мелко заколол щиколотки, закусал, точно маленький оголодавший зверек, еще не умеющий добывать себе пищи, но уже раз и навсегда познавший коварность своей хищной природы.

Но на этот раз я готовился к холоду: активно замахал руками и ногами, приступая к ежеутренней зарядке. Сквозь тонкую стенку слышалось бормотание телевизора. Видно, сестра проснулась раньше и сообщала на кухне завтрак — на себя и заодно на меня. Голос ведущей новостной передачи зачитывал программу неприятностей на грядущий день.

Чтобы не слышать ее, я сосредоточенно продолжил упражнения, ободряя себя командами:

— Больше амплитуда, шире шаг! Держим темп!

Поняв, что такая добыча, как я, ему не по зубам, докучливый ветер теперь рассеянно гулял по подоконнику. На нем царил бардак: пыль, старинная пепельница с отколотым краем, зарядка от телефона, фарфоровая статуэтка из Надиной коллекции редкостей (как только попала сюда?), беспризорный носок и комнатный цветок.

Пластиковый горшок с растением стоял на блюде из чайного сервиза, куда стекала неприятного вида желтоватая вода — видимо, сестра озаботилась наконец-то полить чахлую герань, чтобы та не загнулась окончательно. Я остановился перевести дыхание и пригляделся. Показалось, будто продолговатые листья оплетены сетью тонких серых линий, похожих на трещины.

Я осторожно отколупнул странную плесень. Под ногтем осталась пыль. Ветер подул и смахнул с подоконника мелкие крошки.

— Надь, ты бы купила своей герани удобрения. А то она здесь совсем засохнет! — крикнул я в распахнутую дверь. Мне что-то ответили, но из-за телевизора я не разобрал что и хотел уж было переспросить, как завибрировал лежавший на тумбочке телефон. Я в один прыжок подскочил к нему и, не глядя, нажал на «Принять вызов».

— Не спишь, дружище? — послышался в трубке бодрый голос Димона — старого приятеля, с которым вместе учились в институте искусств. Именно на такой версии имени он прилюдно настаивал, хотя оно упорно не ложилось мне на язык. Но быть просто Димой тот отказывался категорически.

— Нет, у меня собеседование через два часа. Готовлюсь.

— Как-никак на нормальную работу наконец устраиваешься? Или все еще пляшешь в своем театре?

— Вообще-то я художник-постановщик.

— Не суть.

Я неприятно поморщился:

— Это давний знакомый семьи. Предложил мне приличную должность. В музее.

— Приличная должность в музее — звучит как оксюморон. А если серьезные деньги, то, значит, бласт?

Я вспомнил известный анекдот и чуть не ляпнул в ответ: «сестла». Но Димон не позволил мне вставить хоть слово и напористо затараторил:

— Как наша договоренность на вечер?

— Ты все еще помнишь тот дурацкий спор? — Я мысленно взвыл и закатил глаза к потолку.

— Я отчетливо помню, что ты проспорил, и мне достаточно. Встреча же только для твоего блага, как ты не понимаешь?

Голос был шутливым. Немногие знали, что именно этой беззаботной шутливостью студент Димон доводил до белого каления даже самых стойких преподавателей. И как ни странно, всегда добивался своего.

Я услышал шаги за спиной и обернулся. На пороге комнаты стояла вышеупомянутая «сестла» с чашкой кофе в руках и беззвучно мне выговаривала, чтобы я «заканчивал свою болтовню и шел собираться, времени осталось мало».

— Да, иду, — сказал я, чтобы избавиться от гнетущего призрака ответственности за плечами, и услышал в телефоне бодрое и довольное:

— Ну, значит, договорились! Жду тебя в семь, адрес вышлю. Пока.

Я открыл было рот, но недовольство пришлось бы выражать пустому экрану — приятель сбросил вызов.

— Ты понятия не имеешь, на что я подписался сейчас из-за тебя!

С этой фразой я эффектно возник на пороге кухни. Она была просторная, как и любая комната в квартире — бывшей коммуналке с высокими потолками, заложенными дымоходами и рассыхающимися подоконниками, по которым даже летом гуляет тонкий ветерок.

Надежда пританцовывала возле плиты — с растрепанным рыжевато-русый пучком волос, нечесаная и смешная, в длинной футболке и одном полосатом сползшем носке. Эдакая Пеппи Длинныйчулок. Только без чемодана с якорем.

— Звонила бабуля. Сказала, чтобы набрал ей после собеседования. У нее сегодня встреча с поставщиком очередной старинной редкости.

Сама забудет, ты ж знаешь, — не оборачиваясь, сказала она. — Я пожарила тебе яичницу.

— Спасибо.

Я бухнулся на угловой гобеленовый диванчик. Щелкнул по кнопке пульта, крадя у ведущей голос. Выпуск новостей кончился, теперь с экрана вещала эффектная тетенька из передачи про здоровье. На мою бестактную выходку она не обратила внимания. А вот Надя обратила. Но не на выходку, а на хмурое настроение.

— Что за тип тебе звонил? Я даже через трубку услышала его голос, и даже так он мне не понравился.

— Бывший одноклассник, общаемся до сих пор. Недавно вот тоже виделись.

Я как-то разом и очень сильно пожалел, что с самого утра согласился принимать вызовы — что телефонные, что судьбы. Прозрачное мартовское солнце выглянуло на минуту из пелены серых облаков и, прорвавшись сквозь легкие кухонные занавески, подсветило ловкую и складную фигурку Надежды. Волосы на ее голове вспыхнули бронзовым, как пучок тонких металлических проволок. Я даже залюбовался.

— И что он у тебя выпытывал? — Сестра выразительно повела бровью.

С момента, как мы начали независимую от родителей жизнь, в ней появилось тонкое металлическое колечко. Помню, тогда я старательно сделал вид, будто не обижаюсь, что сестра не посоветовалась со мной, прежде чем делать пирсинг. Во всяком случае, у нее тоже есть жизнь. Свои желания и тайные стремления.

— Проспорил ему поход к экстрасенсу. К какому-то колдуну, который конструирует судьбы. — Я закатил глаза, криво улыбнулся, всем своим видом демонстрируя, как отношусь к затее приятеля.

— К настоящему колдуну, он загубил таких, как ты, не од... Одного. Вообще же, славно! — неизвестно чему обрадовалась Надя. — Может, он прояснит, почему ты до сих пор не найдешь нормальную девушку. Знаешь, Вася, я ведь уже переживаю...

— Хоть ты не начинай, пожалуйста.

Она замолчала, чтобы не драконить меня еще сильнее. Но замолчала с таким видом, что становилось понятно: Надя не отказывается от своих слов, а лишь до поры до времени приберегает их у себя, намереваясь применить позднее с еще более разрушительной силой.

— Я вечером в клуб иду с друзьями, — добавила она как бы невзначай.

Я оценил тонкость игры: сначала ослабить мое сопротивление, потом выдать будничным тоном задумку, которая при любом другом раскладе вызвала бы бурю моего негодования, и таким образом очистить совесть. «Ну я же говорила тебе, ты чем слушал?»

— Это в какой?

Я не собирался вестись на провокацию.

— У Гавани. Один парень, Волька, организует большую тусовку. Наши с универа обещали прибыть. Так что я буду в надежной компании, не паникуй. И вообще, у меня, походу, у единственной с потока еще нет фотки в их зеркале. Так и из жизни выпасть можно.

— Волька? Это типа Волька Ибн..

— Нет! — Надя хихикнула, прикрывая ладошкой рот. — Это типа Вольдемар.

— Имена-то какие.

— Псевдоним, наверное. Не знаю. Не будь занудой, братец.

— Чтоб в двенадцать дома была.

— Ну!

— Никаких «ну». Тебе сколько лет? Родители, когда уезжали, не для этого мне тебя доверили.

— Вообще-то девятнадцать. Если ты не заметил...

Надежда надулась, но виду не подала. Я видел по ее улыбке — нехорошей такой, робкой, покорной. Как в ужастиках с невинной юной девой, которая и оказывается в итоге главной ведьмой на селе.

— Иди уже, опоздаешь. Некрасиво получится.

И то верно. Я засуетился, проглатывая остатки кофе и подбирая с тарелки крошки яичницы. Надя следила за моими действиями молча, с неразличимым выражением лица. Уже в прихожей она позволила себе оттаять:

— Ты же был моего возраста, Вась. Неужели нет?

— Я приду вечером, и поговорим.

Тихий смешок:

— У тебя же сегодня встреча с духами.

— Духи за тобой не присмотрят.

— За тобой бы кто присмотрел... Ты все-таки спроси у шамана своего.

— Спрошу, — пообещал я.

— И позвони бабуле после собеседования! — донеслось мне вслед. Выходя из парадной, я споткнулся и чуть не улетел носом вперед. Ветвистая трещина тянулась из-под дома и коварно дыбилась раскученным асфальтом. Утро не задавалось...

Поддавшись суевериям, я пренебрег метро и решил добираться на собеседование на маршрутке. Взяв курс на остановку за углом дома, я понял, что решил так не один. Когда нужный номер причалил к поребрику, в салон ввалилась целая толпа. Остро выпирающие локти, неудобно торчащие в проходе сумки я преодолел с достоинством, протиснулся в дальний угол и приготовился достать из кармана наушники.

Двери скрипнули. Последней на подножку заскочила бойкая девушка-волонтер в рыжей флисовой куртке с эмблемой на рукаве:

— Подождите, пожалуйста!

Пока они с водителем разговаривали, я ощущал копившееся в салоне напряжение. Даже недовольство. Но больше всего — настороженное внимание. О происшествии с четырьмя пропавшими детьми знали, пожалуй, чуть ли не все в городе.

Девушка сказала что-то еще, после чего вручила водителю цветную распечатку из своей стопки. Я заметил фотографию пацаненка лет десяти и крупную подпись: «Помогите найти ребенка».

— Ну мы едем или как? — возмутилась женщина в передних рядах. Волонтер окинула салон печальным усталым взглядом и вышла из маршрутки. Я смотрел на листовку, прикрепленную возле прохода, у всех на виду, и думал, что нечто смутное о пропадающих в городе детях мелькало и в моем сегодняшнем сне про метро.

Часть 2. Марго

Если не спать всю ночь, то к утру мир становится кристально-прозрачным, точно стеклышко очков, только что заботливо протертое тряпочкой. Цвета обретают глубину, звуки — осязаемость: еще немного, и ощутишь кончиками пальцев отголоски темного города, его бессонную, неутраченную жизнь. Привяжешься к нему тонкими невидимыми нитями, сделаешься частью. Сделаешься своей...

Но этой ночью, сидя на подоконнике, я ничего не чувствовала. Стоило ожидать: город не примет чужа́чку. Здесь наши желания совпадали: я его тоже не принимала. Счита́й, квиты.

Окна выходили на запад — вдалеке сонно клевали носами подъемные краны речного порта, похожие на гигантских цапель. Небо синело наслоениями дымных туч. Ни лучика рассвета. А закаты здесь похожи на какое-то сценическое утопление: когда на глазах у всех болезненно-бледное напудренное солнце погружается в свинцовые воды залива и наступает мгла.

Сползать с нагретого места оказалось обидно, да и попросту лень. По ощущениям было часов семь. Спать не хотелось. Мысленно отметив, что ближе к полудню я пожалею о решении не ложиться, я огляделась. По углам комнаты высились унылые композиции из картонных коробок — венец современной абстракции и кубизма.

Мои шкафы и письменный стол еще не доехали. Из разговора мамы со службой доставки выяснилось, что ждать их стоило дня через два-три. К тому времени следовало разобрать вещи и освободить место для сборщиков мебели. Только как его освобождать и куда все складывать, если нет даже полок? Замкнутый круг. Торжество абсурда. Апогей дурацкого переезда.

Возле моих ног, обложкой вверх, лежал на полу раскрытый альбом. Вспомнилось, как наша школьная компания долго спорила, какой дизайн выбрать. Почему-то тогда казалось жутко важным, чтобы у всех были одинаковые. Сошлись на однотонных, с простеньким рисунком. Сто двадцать шелестящих кармашков. Мы собирались заполнить все их к выпускному.

Заполнили, ага... Только не плачь снова, Марго. Переживешь. Может, они еще приедут на каникулах...

Я пружинисто встала, не давая унынию вновь прокрасться в мысли. Домашние стягивались на кухню обычно ближе к восьми, и, подчиняясь странному закону утреннего семейного притяжения, я двинулась сначала в ванную, а потом на запах жареных магазинных блинов и кофе.

В кухне чувствовалось напряжение. Как в кабинете во время каких-нибудь важных бизнес-переговоров. Или в очереди к стоматологу.

Наш рыжий персидский котяра с креативным именем Васька (идея сестры) суетился и громко орал, настаивая на пессимистической

интерпретации реальности: что миска с едой наполовину пустая, нежели полная. Мама делала вид, будто спокойно занимается утренними делами, игнорируя недовольные крики. Восемилетняя Василиска могла бы стать единственным свидетелем, кто из них первым даст слабину: мама в очередной раз насыплет корма прожорливому рыжему ленивцу или же кот устанет требовать и займется вторым своим любимым делом — сядет на подоконник и будет мечтать о спящих мимо балконов птицах.

— Привет, — осторожно сказала я и села за стол рядом с сестрой. Та не отреагировала, хотя в хорошие дни мы поддерживаем дружеский нейтралитет.

Мама, не оборачиваясь, вяло махнула рукой:

— Ты, как всегда, вовремя. — От нее это могло значить как одобрение, так и тихое раздражение. Сейчас я не разобрала интонацию. — Успокой своего троглодита. Он скоро по ночам орать начнет.

Но кот внезапно замолчал, по-охотничьи пригнулся, оттопырив пушистый раскормленный зад, кинулся за чем-то невидимым, скользнувшим по батарее, и нервно заскреб лапой плитус. Может, перепутал комок пыли с мышью. Хотя откуда взяться грызунам в новой квартире, да еще и на двадцатом этаже типового панельного дома, его не заботило.

— Кыш! — шикнула на него мама. Но не слишком строго.

— А Рита сегодня опять не спала ночью, — вставила свои пять копеек Лиска. Всегда поражалась логике сестры и умению так невзначай и «вовремя» приплести к ситуации мои грехи.

Мама не обернулась:

— Ну так правильно ж, доча. Рита у нас считает, что родители дураки. Советуют ей какую-то ерунду, нарочно запрещают. А сбитый режим и проблемы со здоровьем — так кто ж в это верит.

Теперь за легким непринужденным тоном недовольство читалось вполне отчетливо. Ясно. Утренний ритуал взаимных упреков.

— Не начинай, пожалуйста.

— Не начинать чего?

— Вот этих своих... переживаний. Если ты так заботаешься о моей нервной системе, то, может, не стоило увозить меня из Самары в другой часовой пояс, лишая возможности нормально доучиться год, в нормальном окружении?!

— Рита. — Тяжелый вздох, лица по-прежнему не разглядеть. — Мы не раз обсуждали. Когда ты прекратишь?

Я вдруг почувствовала раздражение. Будто электрическим током хлестнуло. Подозревая, что по-другому разговор не продолжится и, неразрешенный, повиснет в воздухе, я прицепилась к первому, что пришло в голову:

— Я не понимаю, в чем проблема сокращать имя по первой его части, а не по второй?

— А я не понимаю, в чем проблема не портить семье настроение прямо за завтраком? Переезд был необходим. Всем нам. Тут и лучшие условия, и учиться будешь не в простой школе, а в гимназии. А у папы больше шансов получить повышение. Василиса, ешь кашу, не расстраивай маму. Надеюсь, твое имя не придется сокращать по первой части?

Последнее, конечно, относилось к сестре. Лиска заулыбалась, довольно заболтала ногами. Новые стулья, возносившие сидящего высоко над полом, ей нравились. А меня раздражал узкий кухонный остров с подставкой для фруктов, похожий больше на барную стойку, но никак не на место, где можно собраться на ужин всей семьей.

Папа крикнул из коридора, что уходит на работу и чтобы мы закрыли за ним дверь. Полминуты спустя он появился в кухонном проеме и повторил просьбу лично. Точнее, из-за угла появились лишь его голова и плечи.

— Ты сегодня не поздно, па? — Я развернулась к нему вместе со стулом.

— Постараюсь.

— Сводишь меня на эту вашу дамбу? Хоть одним глазком глянуть...

— Постараюсь организовать полноценную экскурсию, — подмигнул он. Затем глянул на маму, иронично выгнул бровь и кивнул в сторону коридора. Та оставила кухонное полотенце рядом с плитой и деловито вышла. Она была в светло-бежевом брючном костюме, в котором обыкновенно ходила на работу.

В кухне остались только мы вдвоем. Лиска чему-то улыбалась, рассеянно глядя на искусственную зеленую ветку с лимонами, украшавшую короб вытяжки над плитой. Мама позаботилась и все бесполезные и многочисленные элементы декора отправила вперед, чтобы побыстрее придать «новой квартире обжитой вид». Если бы я могла выбирать,

то предпочла, чтобы вместо коробок с посудой служба по переезду потеряла именно их.

Василиса продолжала колошматить пяткой о ножку стула и наконец довела меня.

— Ты можешь прекратить?!

Сестра замерла, подняла голову. В глазах ее читалась крайняя обида. Лицо напряглось, сморщилось, нижняя губа оттопырилась и нехорошо задрожала.

— Все, началось...

Я предчувствовала короткую, но яркую в исполнении истерику, которая — конечно же! — не понравится маме, а она вот-вот начнет опаздывать на работу (а еще нужно отправить Лиску умываться и проследить, чтобы она собралась на свой кружок по рисованию; и чтобы кот не выскочил в открытую дверь, пока мама вынесет пакет с мусором к мусоропроводу). И — конечно же! — в утренних слезах младшей дочери всецело и безоговорочно буду виновата я. Что бы она ни сделала.

Я быстро отпила пару глотков нетронутого чая из маминой кружки, схватила со стола телефон и ретировалась в коридор. Без зрителей сестре мгновенно перехочется устраивать оперный концерт сопрано, а я, между прочим, тоже планировала уйти из дома пораньше.

В прихожей раздавались голоса родителей (странно, я думала, папа уже успел уйти):

— Риелтор обещала подготовить документы на продажу квартиры как можно быстрее. Она уже написала с утра, что нашла для нас несколько потенциальных покупателей.

— Нашей квартиры?!

Я замерла в дверном проеме. Мама вздрогнула и картинно прижала руку к сердцу, мол, не-подкрадывайся-же-так-сколько-раз-можно-просить?!

— Пап, но ты обещал, что квартира останется! Что мы не насовсем!

На секунду отец смутился, быстрым нервным движением поправил на переносице очки, устраивая их поудобнее. Я невольно потянулась к своим. Тонкая золотая оправка отца слегка блеснула.

— Дочур, но мы же все обсуждали... — начал он смущенно и неловко, теребя редкие тонкие усики (он совсем недавно отпустил их, и, на мой взгляд, такое преобразование ему совершенно не шло).

Но тут вступилась мама:

— Мы подумали, что не стоит терять время и лучше направить все силы и средства, чтобы поскорее обустроиться здесь, чем переживать, стараясь жить на два города.

— Конечно! Лучше было сразу оборвать все, связанное с прошлым! — вспыхнула я.

— Вот попробуешь накопить на свое жилье, тогда поговорим!

Папа деликатно кашлянул. Мама едва заметно дрогнула лицом и обмякла, кажется, поняв, что слегка перегнула палку.

— Предлагаю вечером, когда я вернусь, еще раз сесть и обдумать разные варианты. И прийти к общему, который всех устроит!

— Конечно, когда вы уже все решили, — пробормотала я, но папа сделал вид, что не расслышал, поспешно чмокнул маму в щеку, подхватил портфель и вышел.

Я нарочно долго завязывала шнурки, макушкой чувствуя мамин взгляд. И сопела — от недовольства, обиды и отчаянного, пусть и глупого, желания, чтобы меня, взрослую дылду, обняли и пообещали, что будут любить всегда. И что перестанут наконец считать ребенком, который не в состоянии сам выбрать, какая школа ему лучше и где ему лучше.

Чувство противоречия росло внутри, лопааясь, как шипучие пузырьки газировки. Не вовремя зашипало в носу.

— Сходите сегодня погулять. Погода хорошая, посмотришь район, — осторожно произнесла мама.

— Это еще зачем? — пряча стыд, и недовольство, и слезы, буркнула я.

— Я обещала Лиске сводить ее к набережной, покормить чаек.

— Ты обещала, а я своди.

Внутренне я понимала — спорить бесполезно, но противилась сдаться хотя бы из принципа. Чужой город, незнакомая школа, последний год учебы, в который рядом со мной не будет друзей, не будет знакомых улиц, любимых кафешек, куда мы вваливались дружной компанией каждую пятницу, не будет *наших* торговых центров и *наших* тусовок. Ничего *нашего*. И вдобавок навесить на себя работу няньки я не планировала совершенно.

В кармане пискнул телефон. Курьерский чат просыпался.

— Все, мне пора.

Я выпрямилась и развернулась к двери, но мама ловко поймала меня за рукав. Улыбнулась как могла подбадривающе:

— Культурная столица, детка, расслабься. Походи по музеям, авось с кем-нибудь познакомишься. К тому же каникулы. И прекрати быть такой злыдней, честное слово! Здесь когда-то жило не одно поколение нашей семьи.

На мамино «детка» я не отреагировала, хотя терпеть не могла, когда меня так называли. Взяла за ремень сложенный самокат, сумку и вышла, на ходу доставая из кармана наушники.

Пока убитый ремонтниками грузовой лифт медленно полз с двадцатого этажа вниз, мне удалось распутать проводки, но сеть не ловилась. Возле подъезда я разложила самокат, проверила в кармане зарядку для телефона и — на всякий случай — проездной и, прежде чем отправиться в увлекательное путешествие по маршруту первого заказа, открыла чат в «Телеграме»:

Приветик, кто сегодня на смене! Друзья, в городе потерялся ребенок, родители и волонтеры просят помочь. Поглядывайте по сторонам. Если увидите, звяните по номеру. Спасибо!

Я вчиталась в столбик примет в тревожной оранжевой рамке. Восемь лет. Пропала во время прогулки три дня назад. Желтый дождевик, синий сарафан, белые колготки, резиновые сапожки. Как в кино, где образы детей всегда — сама невинность и чистота.

Сердце тревожно екнуло. Я представила на месте потерявшейся девочки себя, потом — Василиску. Задрала голову к небу, замкнутому в угловатую рамку крыш. Картинка перед глазами покачнулась, вознамерившись сделать крутой оборот. Суровая громада незнакомого города придвинулась, нависла, придавила к земле.

Сизая пелена, цепляющаяся за антенны и чердачные люки, припасала дождь. Надо успеть сделать все дела, пока небесный ушат воды не обрушился на голову. Может, и не придется идти ни к какой набережной и никаким чайкам...

Будь у города стихийное воплощение, то им однозначно оказался бы ветер. Напористый, непостоянный, то выставляющий вперед ладонь, не давая пройти, то наоборот — подталкивающий побыстрее, как нетерпеливый ребенок, который хочет показать что-то важное.

Ветер шумел в ушах, когда электросамокат разогнался почти до максимума своей скорости, неясно шептал, но шепот прерывался неразличимыми помехами, словно слушаешь плохо настроенное радио.

Я быстро вошла в азарт, а потому почти не глядела по сторонам, только на дорогу, резво убегающую под колеса. Улицы мелькали одна за другой: прямые, строгие, будто некто нарезал остров прямоугольными кусками вдоль и поперек, точно огромный пирог.* И над названиями долго не задумывался: Большой проспект, Средний, Малый... Первая линия, Вторая, Третья...

Новый район быстро сменила историческая застройка: невысокие здания с желтыми и бурными стенами; лупоглазые окна; резкие перепады крыш, усеянных антеннами; трамвайные провода, сеть укутавшие улицы.

Меня преследовал строгий взгляд: педантичный, привыкший к порядку Город наблюдал, как юркая девчонка с сумкой-термосом пересекает серебристые лужи на мостовых и спугивает стаи ленивых голубей...

Очередное уведомление телефона настигло меня ближе к концу четырехчасовой смены. Адрес значился всего в квартале от ресторана, где предстояло забрать заказ. Непонятно, зачем вообще ждать курьера, если можно прогуляться пешком десять минут. Но, видимо, у тех, кто заказывает платную доставку, свои на это причины.

Получив в окне выдачи увесистый пакет, я в приподнятом настроении помчалась по маршруту.

Улица, на которую я свернула, не походила на остальные. Вместо проезжей части тут разбили клумбы, посадили деревья, установили

* Застройка большей части Васильевского острова напоминают лист тетради в клеточку: прямые проспекты делят остров с запада на восток, а улицы — с севера на юг.

фонтан. По сторонам мелькали вывески кафе. Летом здесь наверняка зелено, уютно и приятно гулять, но сейчас все смотрится голо. Скучно.

Над улицей разносился колокольный звон. Возле пересечения линии с проспектом виднелись острые башни собора — цвета нежно-розового, как заварной клубничный крем.* Стрелка навигатора уверенно кренилась навстречу.

Я выехала на мощеную дорожку между сквером и розовой стеной храма. К дороге выдавался фасад двухэтажного оштукатуренного флигеля. Я свернула за угол, в длинный, как кишка, переулок. С одной стороны его огораживала бесконечная рыжая стена здания с зарешеченными окнами, с другой — сетка забора между редкими покосившимися столбами. За забором, на заднем дворе храма, агрессивно топорщил стебли высокий сухой бурьян.

Стоило въехать в переулок, как голоса и звуки улицы потухли, сделались вязкими, едва достигаемыми. Я медленно направила самокат вперед. Гравий сухо трещал под колесами, и короткие щелчки его походили на хруст костей.

Наконец желтая стрелка навигатора уперлась в финишный флажок. «Вы приехали!» Я развернулась, подняла голову. Стрелка указывала на двустворчатую, потемневшую от времени дверь флигеля. Над ней круто выпирал круглый плафон светильника, похожий на банку, которую ставят на спину во время болезни. При высоком росте об него можно было нечаянно стукнуться лбом.

Круглая ручка в виде головы непонятого существа смотрелась массивно и неуместно. Я поискала глазами звонок и нашла сбоку на стене кнопку. Решительно вдавила ее пальцем и замерла, прислушиваясь. В прихожей глухо звякнуло, но шагов не последовало. Я нажала звонок еще раз. Убегавший в стену тонкий проводок выглядел ненадежным. Может, поломалось?

Придумывая, как бы еще привлечь внимание, я скосила взгляд и заметила табличку. По синему полотну бежала золотая буквенная вязь. Под ней красовалось такое же, как на дверной ручке, существо

* Здесь описывается Андреевский собор на пересечении Большого проспекта с 6-й и 7-й линиями Васильевского острова.

с телом крупного млекопитающего, но с птичьей головой и крыльями. Мифический грифон?

— Испытательная лаборатория НИИ ГИИС*, — вслух прочитала я. Но не успела понять, что бы значили последние буквы, как дверь подалась внутрь и навстречу мне высунулась светловолосая лохматая голова молодого человека.

— К кому? — спросил тот, немного опешив. Он был в изрядно запачканном лабораторном халате, а из-под расстегнутых верхних пуговиц проглядывал ворот вишневого свитера.

— Доставка. Вы делали заказ, — пробормотала я.

Лицо незнакомца расслабилось, но внутрь он меня не пропустил. Так и стоял, загородив проход. Пришлось доставать заказ прямо на пороге, поддерживая коленом тяжелую квадратную сумку.

Позади лаборанта густился неясный сумрак. Мне представилась гулкая комната с учебными плакатами на стенах и стеклянные дверцы шкафов, отражающие стылый свет улицы. Лабораторные столы, реактивы в банках с помутневшими этикетками, реторты в подставках, резиновые трубки и еще нечто невнятное, отдающее атмосферой кино то ли о сумасшедших ученых, то ли о маньяках. А может, все разом.

За время, пока я стаскивала с плеч широкие лямки и вынимала пакет с едой, из коридора не доносилось ни звука.

— Спасибо, — сухо сказал незнакомец. Принимая из рук заказ, он случайно дотронулся пальцами до моей руки, и я невольно вздрогнула — холодные, как ледышки. Парень протянул пятитысячную купюру.

— В комментариях вы не указали, что нужен размен. Есть меньше? Я не найду сдачу.

За чопорной формулировкой я пыталась скрыть пугливое смущение. Кажется, даже руку за спину спрятала.

— Будет, — понимающе усмехнулся лаборант и, прежде чем я успею среагировать, канул в темноту. Вместе с заказом и деньгами. Дверь за ним захлопнулась.

* Так как НИИ ГИИС не стремится делиться тайнами с чужаками и даже лишний раз не показывается на глаза, то в реальности, скорее всего, во флигеле за собором вы обнаружите центр алгоритмической биотехнологии при университете СПбГУ, а не таинственную лабораторию.

Прошло несколько минут напряженного ожидания. Я нервно топталась на месте, чувствуя подкатившую к горлу панику. Во дуреха, а! Ведь в инструкции черным по белому: клиент платит, вы передаете заказ. Оставалось либо довериться честности незнакомого человека, либо... признать, что первый же рабочий день обернулся полным крахом — сегодняшняя зарплата не покроем штрафа за убытки.

Еще раз настойчиво вдавив кнопку звонка, я прислушалась. В ответ тишина. Затем набралась наглости и тихонько толкнула дверь плечом...

Та мягко и бесшумно качнулась внутрь.

В узком длинном коридоре едва хватало места из-за свисающей с крючков одежды, выпирающих тут и там навесных полок, заставленных коробками, и еще непонятного барахла в упаковках, обертках и пакетах. Либо это новое оборудование, либо же я попала сюда в самый разгар генеральной уборки и сейчас спотыкалась об уже списанную технику, готовую отправиться на свалку.

Косой луч прочертил на полу линию света. В воздухе порхали серебристые пылинки. Вот вам и «лаборатория»...

Конец коридора упирался в темноту, но за ближайшим дверным проемом, занавешенным тонкой ветошью, внезапно послышалось неразличимое бормотание. Я нерешительно шагнула под полог и очутилась в небольшом квадратном помещении.

Здесь не было окон, оттого комната больше походила на подсобку или склад. Под потолком ритмично мигала тусклая красная лампочка.

Вдоль стен штабелями высились железные клетки, вроде тех, где держат птиц. А внутри... Внутри копошились похожие на пруттики угловатые существа. Не то насекомые, не то худощавые до истощения звери с треугольными мордочками. Их изогнутые, покрытые шерстью тельца подрагивали, выражая тревогу и обостренное внимание к визиту чужого.

Тихая возня наполняла комнату: шебуршание, царапанье крохотных когтей о дно клеток, попискивание, чавканье, шорохи. Красный свет придавал мордочкам существ какое-то недоброе выражение. В воздухе проносились цветные вспышки. Я пригляделась: едва заметный свет исходил и от самих созданий. Голубоватое сияние, наполнявшее пространство, лучилось серебристыми, темно-синими и иногда даже зеленоватыми всплесками, будто законсервированное северное сияние.

Из ближайшей клетки потянулась суставчатая лапка с почти чело-
веческими тонкими пальцами. Я испуганно отшатнулась.

— Эй, ты что здесь делаешь?! — сердито шикнули сзади.

Я вздрогнула и резко обернулась, забыв о громоздкой сумке за спи-
ной. Она зацепила жестким углом одну из клеток, чуть не обрушив ее
на пол. В уши впился пронзительный писк существ. В воздух взвилось
облако пыли, заставляя меня закашляться.

— Воришка? — не то пожурил, не то усмехнулся стоящий на по-
роге парень.

Колючее тепло разлилось по щекам. Он еще дразнится!

— А ты сам!..

Я наконец завершила неуклюжий поворот и теперь стояла практи-
чески нос к носу с прежним незнакомцем. В красном свете лампы его
худое, юное лицо с острыми скулами и упрямой верхней губой выгля-
дело жарким, нездорово румяным. Ресницы ловили багровые отсветы.
Выглядело жутковато. Напускная бравада резко улетучилась, я слотнула.

В живот мне уперлась рука, в которой парень сжимал деньги.
Ту нужную сумму, за которой уходил. На сей раз без сдачи.

— На здоровье. — Пока я соображала, лаборант вложил купюры
мне в ладонь и сжал пальцы.

— Лёня, что там у тебя попада́ло? — раздался приглушенный жен-
ский голос из соседнего помещения. Парень кинул встревоженный
взгляд в коридор, затем снова на меня.

— Быстро, — прошептал он.

Холодные пальцы цепко сомкнулись на запястье, и меня уверен-
но потащили прочь из кладовки, к выходу.

Я буквально вывалилась из тесной духоты на свежий воздух, чув-
ствуя невероятное облегчение. Благо самокат по-прежнему стоял там,
где я его и оставила, а не отправился в путь с неизвестным новым вла-
дельцем. С трудом осознавая произошедшее, я сунула деньги в карман
и схватилась за руль.

— Всего доброго! — поспешно бросила через плечо. — И прият-
ного аппетита.

Выбравшись из тесноты переулка на площадь между розовой
церковью и началом бульвара, я ощутила спокойствие. Странное

напряжение, возникшее при встрече с парнем из лаборатории и его питомцами, схлынуло, оставив искристую волну мурашек по спине. Сердце все еще учащенно бухало в груди.

Это что, мохнатые богомолы? Или какие-то искусственно выведенные животные? Скрещивают же сейчас гены даже несовместимых организмов — кукурузы и скорпиона, например.

Я вырулила к перекрестку. Слева шумел оживленный проспект. На другой его стороне тянулась галерея торгового дворика: множество повторяющихся желтых арок и витрины магазинов. За ними, пыша важностью, выставляли свои исторические фасады жилые здания, красуясь фронтонами, лепниной, острыми башенками и прочими архитектурными причудами.

В конце улицы, за пологим спуском, угадывалась набережная — ветер доносил солоноватый запах воды и прелых речных водорослей. В этом году снег сошел раньше обыкновенного, но настоящее тепло пряталось в северном городе от посторонних глаз. Вот и сейчас.

Я поискала на небе бледное солнце. Безуспешно...

Возле собора на развороченной черной клумбе курлыкали голуби. Я опустила на скамейку поодаль, стянула наушники, заглянула в курьерское приложение — пока тишина. Чувствуя сухость во рту, стащила и поставила рядом с собой громоздкую сумку. Водички бы...

Пальцы задели что-то прохладное, металлическое. Я отдернула руку и опустила взгляд.

На выцветших досках скамейки лежал ключ. Размером с пол-ладони. Длинный стержень с витиеватой головкой, резная бородка. Явно не от обычной двери, скорее — от старинной шкатулки или потайного ящичка. Видимо, выпал из чьего-то кармана. Жалко такой потерять, наверняка он был в единственном экземпляре.

Я взвесила ключ на руке, подкинула, снова поймала. Тяжелый. Может, даже из бронзы.

— Такие ключи, девушка, использовались для отпираания секретных замков. Нередко замочная скважина пряталась так тщательно, что даже отыскать ее представлялось нелегкой задачей.

Я вскинула голову. На другом конце скамейки сидел, опираясь на деревянную трость, пожилой мужчина. В длинном пальто

с поднятым воротником и в старомодной шляпе. Половину лица его закрывала седая ухоженная борода. В общем-то, выглядел он как почтенный господин с какой-нибудь иллюстрацией в учебнике истории. Или как профессор Преображенский из любимого «Собачьего сердца». Лакированные мыски ботинок поблескивали на свету. Я удивилась, как он умудрился не запачкаться с такими-то лужами на тротуарах.

«Профессор» захлопнул крышку золотых часов на цепочке и опустил их в карман. Я невольно проследила за ними взглядом: сверху часы украшал плоский отполированный кристалл винно-красного оттенка. Рубин? Безумно дорогой, наверное. Если настоящий...

Незнакомец усмехнулся в усы и продолжил с занятой серьезностью, точно увлеченный предметом университетский преподаватель:

— Порой для открытия одного замка использовали сразу четыре, а иногда даже целых пять ключей. Но это, конечно, уже излишества богатеев. Кстати, занятный факт: в середине четырнадцатого века замочное дело стало настолько популярным и престижным, что император Карл Четвертый учредил новое официальное звание — «мастер по замкам». Вы позволите?

Старик протянул руку в кожаной перчатке, принял ключ осторожно, как будто это был не металлический предмет, а живое хрупкое существо. Близоруко сощурился над ним с видом человека, знающего толк в тонких вещах и изящных искусствах.

— Совершенно понимаю ваше равнодушие. Дивная вещь! Жаль, но теперь она совершенно бесполезна. В свое время на развалах Васильевского и не такое сыскивали. Ключи без владельцев — словно потерянные дети. Надеюсь, замок, который он отпирал, не прячет ничего ценного...

Ключ вернулся мне в руки. Гладкий и прохладный. Он совсем не нагрелся от тепла пальцев.

И куда мне теперь с ним?

Чувствуя себя непоправимой дурой, я вытащила телефон и набрала в поисковике соцсети «Развал на Васильевском»*. Пустой экран покрутил голубое колесико и выдал единственную открытую группу. Чуть больше

* «Развал на Васильевском» — одна из ярмарок выходного дня, традиционно проводимая жителями Васильевского острова.

тысячи человек в подписчиках. Дряхлая атрибутика — не то подсвечник, не то газовая лампа в окружении потрепанных книг — на аватарке.

Если здесь и собрались ценители старины, то объявление вроде «Продам детский костюмчик, недорого. Писать в лс» выглядело явно не к месту. Полистав записи на стене, я глубоко вздохнула и набрала текст:

Нашла забавную вещь возле розового храма у Большого проспекта. Выронили из кармана. Отдам владельцу.

Прикрепив к сообщению фотографию ключа и геоточку, я кинула запись в предложенное и быстро вышла, боясь передумать. Пару секунд посидела неподвижно, глядя под ноги и крепко сжимая в руке телефон, в попытке осознать, какой ерундой занимаюсь. Старик тоже молчал.

— Может быть, вы хотите оставить его себе?.. — Я осеклась.

Скамейка рядом вновь пустовала. Странного незнакомца и след простыл. Я заозиралась по сторонам, зачем-то проверила проездной и ключи в кармане.

«Странно», — подумала я. Голуби по-прежнему суетились на клумбе, мелькали на фоне земли их пестрые спинки. Люди спешили к переходу, стремясь успеть прежде, чем загорится красный. Девушка с телефоном в руке выгуливала пса на другом конце сквера и не смотрела в мою сторону. А старика нигде не было.

Еще раз поглядев на свой мобильник, я сунула его вместе с ключом к другим вещам, торопливо подхватила сумку и взялась за руль самоката.

Кажется, теперь я понимаю, почему мама пугается, если к ней подкрадываются сзади...

